

Тоскливое выражение лица парня в белом пуховике сменилось удивлением. Проследив за взглядом Ци Яня, он тоже заглянул под шкаф и тут же все понял. На его лице впервые за долгое время появилась улыбка:

— А ты хитер.

С этими словами он наклонился и вытащил то, что было спрятано под шкафом.

Это был новенький, блестящий нож для суши.

Ци Янь покосился на то, что держал в руке, и почувствовал неловкость — его импровизированное оружие на фоне этого ножа выглядело жалким убожеством.

— К счастью, те трое его не нашли, — вздохнул парень в белом пуховике. Он бережно, почти благоговейно завернул нож в какое-то тряпье. — Жаль, я тогда не послушал продавца. Купил бы целый набор, и сейчас бы лихо орудовал тремя мечами, как в аниме!

Не будь разница в их вооружении столь очевидной, Ци Янь с удовольствием бы его пнул:

— Держи ты эту штуку в руках, и убивать бы никого не пришлось. Достаточно было просто припугнуть их, и они бы не посмели забрать у тебя все до последней крошки.

— Нет-нет-нет! — Парень замотал головой, точно игрушечный пес на приборной панели. — Нож нереально острый. Без преувеличения, режет железо как масло! Если бы я не рассчитал и махнул им сдуру, они бы без голов остались!

У Ци Яня поползли черные полосы по лбу. Он был готов поклясться своими оценками за сессию, что этот придурок знатно приукрасил в мыслях свои боевые навыки с ножом в руках, причем приукрасил совершенно безмозгло.

— А если бы они все-таки попытались отобрать у тебя нож? — вдруг спросил парень. — Ты бы правда их пырнул?

Ци Янь промолчал.

Парень в пуховике усмехнулся — в этой улыбке сквозила легкая грусть и одновременно детское бахвальство:

— Значит, мы оба — современные студенты, у которых еще остались какие-то принципы.

Ци Янь почувствовал, как напряжение спадает, и хмыкнул:

— Проще говоря — дураки.

Парень указал за спину, на дверь общежития:

— Те, кто снаружи, уже перестали быть людьми. А те, кто заперт внутри, рано или поздно тоже превратятся в зверей. — Он запнулся и лишь спустя какое-то время поднял голову. Его глаза лихорадочно блестели. — Но я бы хотел, чтобы со мной это случилось как можно позже.

— Чжоу Илюй?

— Сун Фэй?

Вместо еды Ци Янь притащил с собой еще один рот. Отлично, теперь их четверо — можно садиться играть в маджонг.

Вот только он не ожидал, что жилец из шестьсот сороковой комнаты окажется знаком с обитателем четыреста сороковой.

Ци Янь подумал, что они с Сун Фэем, должно быть, совершенно не подходят друг другу по гороскопу. Иначе как объяснить, что в декорациях этого постапокалиптического романа количество «третьих лишних» росло с каждым днем, прямо как популяция зомби?

— Что у тебя с лицом? — спросил Сун Фэй. На грязь на пуховике, видимо, оставшуюся после побега, он не обратил внимания, но вот ссадины на лице Чжоу Илюя явно были свежими.

— Эх, лучше не спрашивай, — отмахнулся Чжоу Илюй, которому не хотелось ворошить воспоминания.

— К нему в комнату ворвались трое и отобрали всю еду, — ответил за него Ци Янь.

Сун Фэй и Цяо Сыци промолчали. Еще вчера они бы возмутились, проклиная чужую бесчеловечность, но сейчас у них просто не нашлось слов.

Сун Фэй вздохнул и похлопал парня по плечу:

— Проголодался? Хочешь, покрошу тебе сухую лапшу быстрого приготовления?

За последние три дня Чжоу Илюю впервые стало так тепло на душе.

Впрочем, запасы еды в комнате 440 тоже поджигали. Чжоу Илюй сразу это понял и постеснялся брать лапшу, решив ограничиться пачкой креветочных чипсов.

Говорят, что сухими снеками не наешься, но Чжоу Илюю хватило буквально одного укуса...

— Что это вообще за дрянь?..

— Креветочные чипсы, чистый импорт из Таиланда.

— Серьезно?

— Конечно. Самый настоящий вкус том-яма.

— ...

Перед лицом голода любые кулинарные предрассудки отступают. В итоге Чжоу Илюй все-таки прикончил эту пачку чипсов, но комментировать их «кислый и ядреный» вкус наотрез отказался.

После того как они привели Чжоу Илюя к себе, Ци Янь снова вышел наружу, но на этот раз столкнулся нос к носу с зараженным. Кое-как спасшись бегством, он больше не осмеливался соваться за дверь.

Когда опустились сумерки, запасы еды в комнате 440 подошли к концу. Никто не осмеливался набивать желудок: ребята просто лежали на кроватях и грызли семечки, взяв каждый по горсти.

В отличие от бурного дня, в общежитии воцарилась гнетущая тишина — мертвая и тоскливая.

— Ци Янь, думаю, завтра тебе тоже не стоит выходить, — подал голос Чжоу Илюй. — Все, что можно было съесть, наверняка уже растащили. Будь ты хоть трижды Человеком-пауком, толку не будет.

— Посмотрим, — отозвался Ци Янь.

— Да и вообще, какая разница, найдем мы что-то или нет? — вздохнул Цяо Сыци. — Пока снаружи бродят зомби, мы просто обречены на медленную смерть.

— Раз свет и воду не отключили, значит, в городе жизнь еще теплится, — возразил Сун Фэй. — Наш университетский городок хоть и на отшибе, но здесь же столько «цветов жизни» собрано! Не могут нас бросить.

— Те, что шатаются на улице, тоже цветы жизни? — уточнил Цяо Сыци.

— Ага, цветы-людоеды, — хмыкнул Чжоу Илюй.

— Похоже, нашему «солнцу» сейчас не до нас, так что спасение утопающих — дело рук самих утопающих, — заметил Ци Янь.

— Ты о чем? — спросил Цяо Сыци.

— Завтра хочу осмотреться и попробовать пробраться в супермаркет.

— Жить надоело?!

— Я согласен с Ци Янем, — поддержал Сун Фэй. — Джонс, ты же сам сказал, что сидеть здесь — значит просто ждать смерти. Так давай прорвем окружение и выберемся отсюда!

Бум —

Снова раздался тот же глухой удар в дверь, что и позавчера!

Сун Фэй мгновенно замолчал.

Остальные трое не имели подобного опыта, и от неожиданности их бросило в холодный пот.

Они долго сидели не дыша, пока снаружи все не стихло. Наконец Цяо Сыци дрожащим шепотом спросил:

— Зо... зомби?

Сун Фэй едва слышно выдохнул:

— Угу. Позавчера ночью они тоже ломались в дверь.

— Но вчера-то ночью ничего подобного не было! — Цяо Сыци чуть не плакал.

— Действительно странно, я тоже ничего такого раньше не слышал, — удивился Чжоу Илюй.

Ци Янь уставился на энергосберегающую лампу под потолком, и его вдруг осенило:

— Может, они реагируют на наши голоса?

— Но мы же весь день разговариваем, — возразил Сун Фэй.

— Точно! — подхватил Цяо Сыци. — Ты только что крикнул слишком громко.

— Пойдите, — Чжоу Илюй попытался восстановить в памяти события. — Вчера, когда меня избивали, я тоже слышал какой-то подозрительный стук.

— Получается, их интеллект и координация движений нарушены, но зрение и слух работают как надо? — продолжил рассуждать Цяо Сыци.

— Не совсем так, — Ци Янь прищурился. — Насчет зрения не уверен, но слух у них тоже притупился. Иначе они слышали бы наш обычный разговор, а не ломились бы в дверь только тогда, когда мы повышаем голос.

Страх рождается из неизвестности.

Чем больше они узнавали о зараженных, тем слабее становился ужас, сковывавший их сердца.

Но когда этот ужас подавляет все остальное, любые крупницы знания кажутся каплей в море. После окончания разговора в комнате 440 воцарилось молчание, а все общежитие погрузилось в пугающую, гробовую тишину.

Ровно в одиннадцать вечера в общежитии, как обычно, выключили свет.

С уходом света показалось, что все корпуса окончательно вымерли.

В темноте четыреста сороковой комнаты висело тяжелое безмолвие. Сун Фэй понимал, что никто не спит: каждый лежал и прокручивал в голове свои мысли — кто-то мрачные, кто-то с робкой надеждой на спасение, а кто-то и вовсе представлял кровавую бойню. И все же то, что в этот момент они были не одни, давало огромную поддержку.

Одиночество — самый жестокий сообщник отчаяния.

Сун Фэй уже и не помнил, кто из преподавателей обронил эту фразу на какой-то факультативной лекции, да и саму ее он давно выбросил из головы. Но в эту ночь слова словно ожили, услужливо вынырнули из глубин памяти и теперь призраком шептали ему прямо на ухо.

«Возможно, завтра мы совершим вылазку и сразу погибнем», — подумал Сун Фэй. Всю жизнь только и делал, что учился, какая же нелепая, черт возьми, несправедливость.

Грох —

Глухой звук падения тяжелого предмета разорвал мертвую тишину ночи, отчего по спине пробежал еще больший холодок.

Шум донесся с балкона.

Все четверо подорвались с кроватей одновременно. Вспыльчивый Чжоу Илюй спрыгнул на пол первым и прильнул лицом к стеклу раздвижной балконной двери, пытаясь хоть что-то разглядеть.

Но за окном стояла крошечная тьма, и разглядеть ничего не удавалось.

Грох —

Чжоу Илюй зажмурился и снова открыл глаза, силясь понять, померещилось ему или во дворе действительно промелькнул человеческий силуэт.

Остальные трое уже спустились на пол и сгруппировались позади него.

— Что там? — спросил Цяо Сыци.

— Плохо видно, — покачал головой Чжоу Илюй. — Может... приоткроем дверь?

Балкон всегда казался им относительно безопасным местом, но ночь — это не день. Каким бы надежным он ни был, выходить в черную пустоту не хотелось никому.

Раздался щелчок, и яркий луч света мгновенно залил комнату 440.

Цяо Сыци обернулся и тут же зажмурился от ослепительного блеска:

— Блядь, это еще что такое?

Сун Фэй посмотрел на дорогой фонарь Жэнь Чжэ, который держал в руках, и пожалел, что не воспользовался им раньше:

— Фонарик.

У Чжоу Илюя дернулся глаз. Он стоял спиной к источнику света, но даже его едва не ослепило:

— Да это, черт возьми, целый прожектор!

Свет принес с собой крупицу уверенности. Убедившись, что на балконе никого нет, ребята осторожно приоткрыли дверь и шагнули в холодную ночную прохладу.

Каким бы мощным ни был фонарь Сун Фэя, его луч быстро рассеивался в ночном воздухе. К счастью, окна коридоров в противоположном корпусе не отключались от общей сети и продолжали ярко гореть. Этот свет вкупе с лунным сиянием помогал различать очертания предметов во дворе.

Глаза постепенно привыкли к темноте.

В этот момент из окна шестого этажа противоположного здания выпал человек. Его тело прочертило в воздухе дугу.

Мгновение — и он рухнул на землю с приглушенным звуком ломающихся костей и разрываемой плоти.

— Кто-то выбросился из окна.